

Музыка для автомобиля

Евгений Гришковец — о Москве, видеоклипах и потерянном времени

В середине января в широкую продажу поступает необычный альбом. Называется он «Сейчас», и записал его театральный актер, режиссер и драматург Евгений Гришковец при помощи группы «Бигуди». О своих долгах и вполне интимных взаимоотношениях с музыкой Евгений ГРИШКОВЕЦ сочинил для «Известий» специальное эссе.

Все это удивительно. Я держу в руках красивый компакт-диск с моей фотографией и фамилией на обложке. А еще периодически я держу в руках микрофон и выступаю вместе с музыкантами. И на каждом концерте я признаюсь, что мечтал об этом с детства. Потому что музыку я не просто люблю — для меня, наверное, это самое главное. Музыка производит на меня самое сильное и сокрушительное впечатление.

Я, конечно, не мог ни мечтать, ни даже думать о том, что выйдет альбом с моим участием, когда в 80-м году папа купил мне магнитофон «Маяк-205». Это был довольно хороший аппарат, правда, всегда нужно было тщательно протирать ваткой со спиртом головку и еще подкладывать ватку, чтобы пленка прижималась к головке сильнее. Первая запись, которая у меня появилась, была «Стена» «Пинк Флойда». Но в школе я, конечно, слушал в основном хард-рок. И помню эти бесконечные споры о том, кто лучше — Ричи Блэкмор, Джими Пейдж или Тони Йомми. Лично мне больше всего нравился «Лед Зепелин» — мне нравилось, как они оформляют пластинки и как они делают популярными, казалось бы, совершенно странные вещи.

Через какое-то время у меня появилось несколько фирменных пластинок, которые каждую неделю обменивались в специальном месте. И принос пластинки домой, изучение ее, и последующее прослушивание, а

потом запись на магнитофон были особенным еженедельным ритуалом и праздником. Не хочу об этом говорить подробнее, т.к. все меломаны того времени это знают, а те, кто не знает, могут подумать, что мы были какими-то занудливыми фетишистами. Отечественную музыку в то время я не слушал, так как она существовала только в виде очень плохих копий, а некачественный звук я не выносил с тех пор, как послушал «Стену» — там-то запись была очень хорошая.

В 84-м году я впервые услышал «Ультравокс» и через какое-то время полюбил и его, и вообще «новых романтиков». В 85-м я ушел служить. А когда я вернулся в 88-м... елки-палки, какое на меня обрушилось количество информации! Больше всего меня потрясло музыкальное видео. Тогда на кассеты с какими-нибудь фильмами чаще всего дописывали видеоклипы. И я брал кассеты даже не ради фильмов, а скорее ради того, чтобы посмотреть музыкальное видео. Но главное — я никак не мог сориентироваться в том потоке музыкальной информации, который на меня обрушился. Единственное, чего я точно не стал делать, так это не стал покупать на компакт-дисках ту музыку, которую раньше слушал на виниле и на магнитофонных катушках. Но если мне кто-нибудь сказал бы — тогда, когда я рассматривал виниловые пластинки, запомнил, кто в каком альбоме и на чем играл, когда я читал таинственное слово

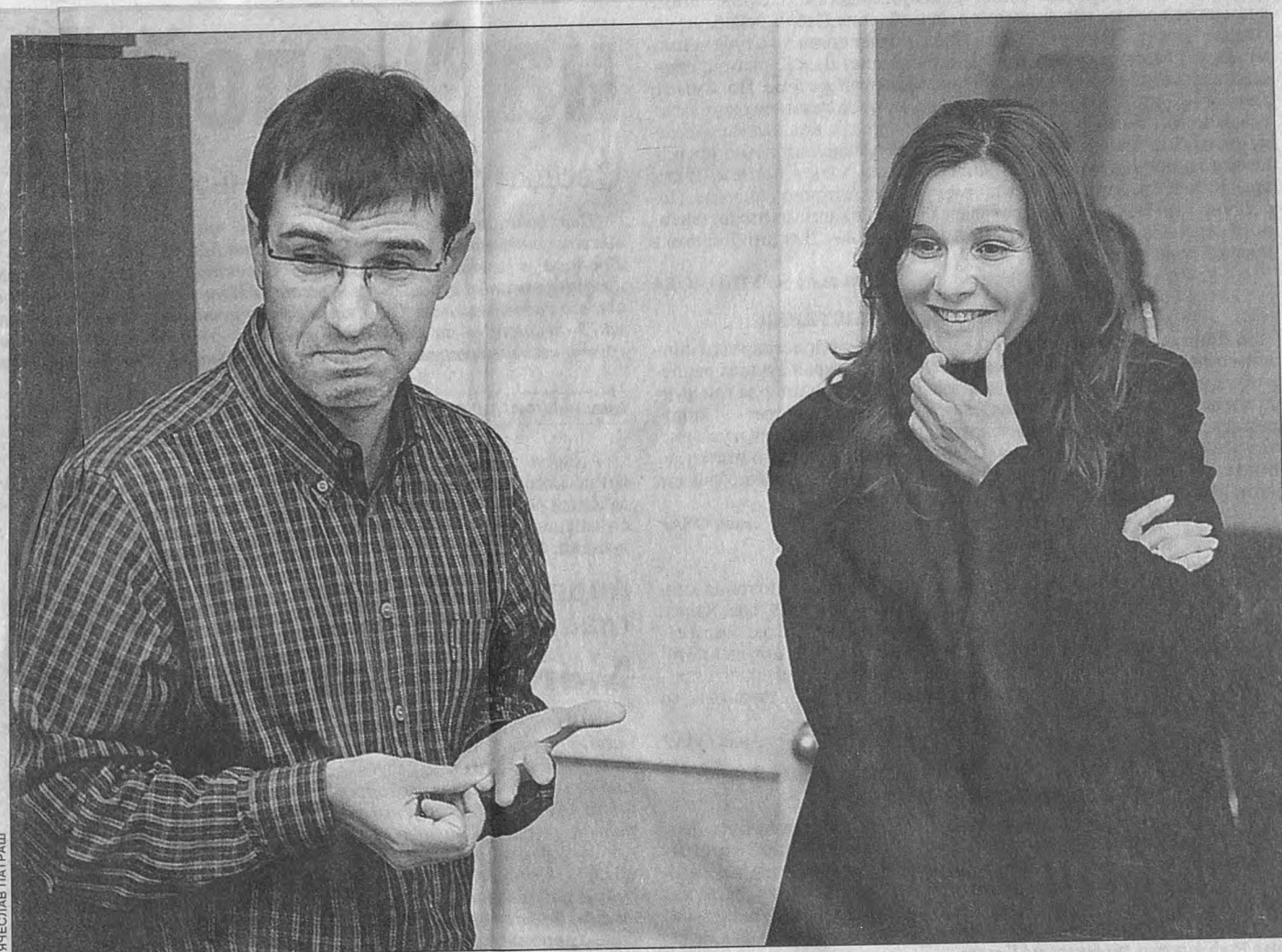
«продюсер»... вот тогда бы мне сказали, что будет такая пластинка, в которой буду участвовать я и я же буду указан как продюсер, я бы не то что не поверил, а подумал бы — это что же для этого должно произойти... Но вот эта пластинка есть. Удивительно!

Я много использую музыку в спектаклях. И выбор музыки для меня всегда таинственный и непостижимый процесс. Чаще всего именно в связи с музыкой появляются какие-то тексты или идеи целых сцен. И та музыка, которая входит в спектакль, чаще всего является остро любимой мною музыкой на тот момент времени. И самое болезненное — это расставаться с этой музыкой. Потому что как только она уходит в спектакль в качестве фонограммы, она перестает быть той музыкой, которую я слушаю в обычной жизни. Это больно и грустно, но по-другому не бывает.

Но то, что произошло у нас с группой «Бигуди», — это самый неожиданный и радостный результат. Я с благоговением отношусь к музыкантам и очень давно пытался сделать с ними что-то совместное, но со временем убедился в том, что именно музыканты менее всего способны на диалог. Может быть, это касается только наших музыкантов. Но не важно. С «Бигуди» было все по-другому. Когда мы случайно познакомились на одной вечеринке, я сразу понял, что это не случайно и что-то произойдет. Потом мы собрались у меня дома, и знакомство продолжилось. Это было похоже как собаки принимают друг друга. То есть мы друг другу называли любимые музыкальные имена и названия. Нужно было обнаружить зоны общих музыкальных интересов.

Но когда я послушал их музыку, я стал смотреть на этих людей уже совсем по-другому. Это как когда во время какого-нибудь знакомства ты разговариваешь с человеком и думаешь — вот нормальный, симпатичный человек, а потом как узнаешь, что он летчик-испытатель или переводчик с китайского языка, и думаешь — о-го-го! — и человек как бы увеличивается в твоих глазах. Так же было и с «Бигуди». Как только я услышал их музыку, улетучилось мое ощущение, что я их старше и на сегодняшний день известнее. А как только мы попробовали сделать одну, я уж не знаю, как сказать — песню, не песню... в общем, мы почувствовали, что получается, вот тогда заработал уже во мне механизм, который стал производить те самые тексты, которые теперь можно слушать отдельно от меня, вставить компакт-диск в проигрыватель, и что особенно приятно, эти тексты послужили поводом к написанию МУЗЫКИ!

Отлично помню один эпизод. Он случился как раз в то время, когда все мои мысли были заняты только работой с «Бигудями» (хотя слово «бигуди» не склоняется), еще не было целиной идеи альбома, еще не было идеи, что он будет посвящен большому городу и конкретно Москве, еще вообще не были ясны перспективы этого проекта, просто я все время об этом думал. И вот в этом состоянии я вернулся в Москву из длительной заграничной поездки. Был вечер, шел дождь, Москва, как всегда, обрушилась толпой людей в «Шереметьеве», грязными машинами там же, меня встречала Ира, тоже продюсер этого альбома, мы сели в ее старенькую, но мощную машину и помчались к

Евгений Гришковец и Татьяна Друбич на записи альбома

Москве. Было уже темно, «дворники» плохо справлялись с дождем, мы ворвались на Ленинградский проспект, ворвались в сильный поток машин, я помню, справа был какой-то огромный грузовик, от него летели грязные брызги, слева был какой-то большой джип, впереди и сзади огни, на спидометре — сто или около того... Москва! И в это время по радио мощно заиграл «Ю-Ту». «Элевейшен». И текст «Слезы» пришел сразу. Целиком. И я тогда сказал Ире: Ира, только что ко мне пришел офигительный текст.

Сейчас сказать не могу — он слишком страшный. Он про смерть. Как-нибудь в другой раз, в другой обстановке.

Так случается очень редко, но если случается, то получается.

Удивительно, весь альбом получился таким, что в компании его прослушивать, наверное, нельзя. И я также плохо представляю себе прослушивание этого альбома дома, на диване, у своего домашнего хай-энда. Все-таки это музыка для автомобиля. Или для уокмена. И, конечно, острее всего попадет в тех, кто

каждый день тратит пару часов на стояние в пробках, но никогда не спустится в метро.

Этот альбом адресован жителю большого города. Но не муравью. А человеку, скорее, сильному или желающему быть таковым. Мне кажется, а точнее, я хочу верить, что этот альбом кого-то поддержит, кого-то порадует. А участие в этом альбоме Татьяны Друбич даст ощущение нежности и надежды. Это очень московский альбом. И мне кажется, что мы, то есть «Бигуди» и я, как немосковские люди, на-

шли в этом альбоме какую-то примиряющую интонацию. Потому что со стороны Москву так легко не любить, на нее так легко раздражаться, от нее легко уставать. А мы попытались сделать совсем другое. И еще — я попытался осмыслить то время и почувствовать его не потерянным и не брошенным, то время, которое мы каждый день тратим на перемещение по нашим городам. А это время нашей жизни, и другой, почему-то мне кажется, не будет. И городов других тоже не будет.